

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.3.6>

Коцюбинский Даниил Александрович

ПОКУШЕНИЕ НА Г. Е. РАСПУТИНА 29 ИЮНЯ 1914 Г. В ОТКЛИКАХ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ (ИЮНЬ-ИЮЛЬ 1914 Г.)

Статья посвящена анализу реакции российской прессы на события, связанные с покушением на Г. Е. Распутина 29 июня 1914 г. Делается вывод о приоритете политической направленности новостных материалов над их достоверностью. Выявляются недостоверные детали газетных публикаций, в том числе вошедшие в историографию. В работе показано, что наибольшие отклонения от канонов качественной журналистики наблюдались в работе газет, ориентированных на социальные "верхи", критически настроенные по отношению к Распутину и верховной власти, в то время как дешёвая желтая, а также социалистическая пресса проявляла в освещении данной темы большую профессиональную корректность.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/3/6.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 33-42. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

VISA-FREE REGIME BETWEEN RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION: PROBLEMS AND PROSPECTS

Zverev Kirill Aleksandrovich, Ph. D. in History
Kostroma State University
zverew.kir@yandex.ru

The article considers the negotiation process between the European Union and Russia on the introduction of the visa-free regime. Since the 1990s, there has been an intensification of bilateral contacts at different levels. Understanding of the need to simplify cross-border bureaucratic procedures has come. Within the framework of repeated bilateral negotiations between Russia and the EU, many agreements on visa facilitation have been concluded and worked out. But due to a number of technical and political problems, it is not possible to come to the mutual abolition of visas. The paper studies the entire bilateral negotiation process taking into account the latest developments. For the first time the author also reveals the essential contradictions regarding the abolition of visas with the Russian Federation within the European Union itself.

Key words and phrases: visas; visa-free regime; negotiation process; globalization; summit.

УДК 93/94

Дата поступления рукописи: 07.01.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.3.6>

Статья посвящена анализу реакции российской прессы на события, связанные с покушением на Г. Е. Распутина 29 июня 1914 г. Делается вывод о приоритете политической направленности новостных материалов над их достоверностью. Выявляются недостоверные детали газетных публикаций, в том числе вошедшие в историографию. В работе показано, что наибольшие отклонения от канонов качественной журналистики наблюдались в работе газет, ориентированных на социальные «верхи», критически настроенные по отношению к Распутину и верховной власти, в то время как дешёвая желтая, а также социалистическая пресса проявляла в освещении данной темы большую профессиональную корректность.

Ключевые слова и фразы: Распутин; «старец»; пресса; газеты; Хиония Гусева; В. Б. Дувидзон; «Петербургский курьер»; «Русское слово»; «Речь»; «Голос Москвы»; «Новое время»; «Вечернее время»; «Биржевые ведомости»; «Вечерние известия»; «Газета-Копейка»; «Петербургский листок»; «День».

Коцюбинский Даниил Александрович, к.и.н.
Санкт-Петербургский государственный университет
kd1965@yandex.ru

ПОКУШЕНИЕ НА Г. Е. РАСПУТИНА 29 ИЮНЯ 1914 Г. В ОТКЛИКАХ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ (ИЮНЬ-ИЮЛЬ 1914 Г.)

Фигура скандально известного «старца» и царского фаворита Григория Распутина явилась одним из существенных факторов, способствовавших падению авторитета царской власти в период, предшествовавший Февральской революции 1917 г. На это указывали активные участники событий тех лет: председатель IV Госдумы М. В. Родзянко [83, с. 3-4], лидер фракции прогрессивных националистов В. В. Шульгин [95, с. 402] и др.

Важнейшую роль в развитии распутинского скандала сыграла пресса, формировавшая в целом негативный образ «старца»: «С газетных столбцов эти (компрометировавшие высшую власть. – Д. К.) сведения постепенно перешли в Государственную думу», – свидетельствовал министр финансов, позднее также председатель Совета министров В. Н. Коковцов. В итоге, заключал он, «вопрос о Распутине невольно сделался центральным вопросом ближайшего будущего» [19, с. 17-21].

Несмотря на появление в последние десятилетия монографий, посвящённых Распутину [2; 7; 20; 21; 90; 96], самостоятельное рассмотрение процесса обсуждения распутинской темы на страницах дореволюционной повременной печати предпринято лишь в рамках нескольких статей, охватывающих краткие временные отрезки [22-25].

Из всего вышесказанного вытекает **актуальность** дальнейшего исследования сюжетов, связанных с развитием распутинской темы на страницах дореволюционных периодических изданий.

Научная новизна настоящей статьи заключается в том, что в ней впервые предпринимается опыт комплексного анализа реакции российской прессы всех идеологических направлений и профессиональных типов на события, связанные с покушением на Г. Е. Распутина летом 1914 г.

Целью исследования является выявление качественных различий в профессиональных подходах газет, представляющих как «большую», так и «малую» прессу, к распутинской теме в целом, а также к конкретному сюжету, связанному с покушением на «старца». К числу **задач** данной работы относятся типологизация газет, анализ газетных публикаций на предмет содержания в них достоверной и недостоверной информации (включая намеренную ложь), а также попытка реконструкции мотивационных установок различных изданий при освещении ими сюжета, связанного с покушением на Распутина. Пунктуация цитируемых источников сохранена.

29 июня 1914 года в селе Покровском произошло нападение на Григория Распутина. Данное событие вызвало всероссийский резонанс [91, с. 171], отразившийся на страницах газет различной идеологической, а также профессиональной («малая», или жёлтая; «большая», или серьёзная, пресса) направленностей. Наиболее острая и активная фаза обсуждения упомянутой темы продолжалась с 30 июня по 3 июля, когда Распутин был доставлен в Тюменскую больницу и стало ясно, что непосредственная угроза его жизни миновала.

По меньшей мере два фактора делают указанный отрезок времени особенно интересным с точки зрения анализа реакции российских газет на данное событие. Во-первых, то, что единственным журналистом, находившимся в Покровском в эти дни, включая сам момент покушения, был журналист В. Б. Дувидзон [1, с. 60] – корреспондент «дорогой» жёлтой газеты леволиберальной направленности «Петербургский курьер» (ПК): «Как известно, “Петербургский Курьер” был единственной в России газетой, напечатавшей еще вчера (30 июня) утром телеграммы о покушении на Распутина. Произошло это потому, что, как оказывается, только у “Пет. Курьера” имелся на месте собственный корреспондент» [8, с. 3]. Во-вторых, то, что в эти же дни, практически сразу стала происходить задержка телеграмм из Сибири в Петербург и Москву. Как отмечали, в частности, «Биржевые ведомости» (БВ) 1 июля, «телеграфный обмен с Сибирью, вследствие повреждения линий и неудовлетворительного прохождения телеграфного действия, производится с большим затруднением... образовалось большое накопление телеграмм, задержка коих в некоторых случаях достигает 48-ми часов» [11, с. 2]. Возможно, телеграфная блокада была искусственно организована правительством, стремившимся лишить газетчиков доступа к информации о состоянии Распутина в самые первые дни после его ранения. В пользу этого предположения говорит то, что некоторые телеграммы из Покровского (в частности от дочери Распутина Матрёны [12, с. 2]) в Петербург в данный отрезок времени доходили (в фондах ПТА – РГИА, ф. 1358 и Комитета по делам печати МВД – РГИА, ф. 777 информации, касающейся указанного перебоя в работе телеграфа, найти не удалось, и данный сюжет требует дальнейшего исследования). В свою очередь, первое из указанных обстоятельств повлияло на то, что ПК стал обладателем эксклюзивной информации с места событий. Второе же обстоятельство де-факто быстро svelo указанные преимущества ПК на нет и спровоцировало активное сочинительство со стороны редакций как самого ПК, так и других изданий, а также воровство информации (как достоверной, так и фальшивой) различными газетами друг у друга.

Первые сообщения о нападении на Распутина появились в ПК в виде отдельного новостного блока 30 июня, когда телеграф еще обеспечивал бесперебойную связь Сибири со столицей: «В три часа дня неизвестная женщина, прибывшая из Астрахани, напала на проходившего по селу Григория Распутина и огромным солдатским кинжалом нанесла ему удар в область живота» [45, с. 1] (из опубликованных документов следует, что в реальности удар был нанесён кавказским кинжалом [91, с. 392, 653]). «Оружием задеты были кишки. Неизвестная была связана и доставлена в волость. Вызвали медицинскую помощь из города Тюмени. Неизвестная говорит, что она пришла убить потому, что он ложный пророк и вводит в заблуждение всех. В селе утверждают, что неизвестная приезжает уже второй раз» [45, с. 1]; «Выяснилось, что неизвестная прибыла из Царицына и, как передают, подкуплена, причем называют имя бывшего монаха Илиодора. Распутин в агонии. Раненый говорит: “Выживу, только страсть больно”. Священник причастил его» [Там же]; «Неизвестная находилась в селе уже две недели в ожидании приезда Распутина» [Там же] (согласно опубликованным материалам следствия, – около недели [91, с. 393]). «Жила она у крестьянина Александра Хохлова. По распоряжению губернатора, у всех в селе отобраны паспорта. В село выехал исправник. <...> К вечеру прибыли врачи из Тюмени» [45, с. 1] (в действительности вечером 29 июня в Покровское прибыл врач сельской Иевлевской больницы В. Н. Высоцкий, хирург А. С. Владимиров из Тюмени добрался до Покровского лишь в около 1 ч. ночи 30 июня [91, с. 410-411, 433-434]). «Убийца была в валенках, голова ее прикрыта платком, причем старательно закрыто лицо. Она урод – безногая. При допросе держится развязно» [45, с. 1].

Флагман российской жёлтой прессы, структурно и стилистически стремившийся работать по канонам «больших газет» и ориентировавшийся на читательские «верхи», БВ в вечернем выпуске от 30 июня посвятила нападению на Распутина несколько сообщений в жанре «детективной хроники», дополняя уже известные факты, без ссылок на источники и без каких бы то ни было оговорок, новыми «жёлтыми подробностями», сплошь недостоверными и противоречащими опубликованным материалам следствия [91, с. 378-480]: о том, что нападавшая «стала передавать письмо» Распутину, что он её оттолкнул, что она затем «с истерическим криком... вынула из-за пазухи большой кинжал и дважды ударила им старца в область живота», что затем Распутин «стал просить крестьян отпустить ее, а ей же сказал, чтобы она немедленно скрылась» [6, с. 3] и т.д. Из материалов номера БВ за 30 июня хорошо видно, что газета стремилась публиковать как можно больше «жареного» и, возможно, частично вымышленного в самой же редакции материала, не отслеживая степень достоверности и внутренней непротиворечивости публикуемой информации даже в пределах одного газетного выпуска [3, с. 3; 6, с. 3; 84, с. 3]. Сходным образом (украив информацию у ПК и частично видоизменив её) поступило «Вечернее время», представлявшее собой «жёлтую половину» суворинского газетного холдинга. Автор статьи в ПК (судя по всему, редактор и издатель этой газеты Н. А. Нотович), отмечая факт воровства у ПК другими газетами эксклюзивной информации о покушении на Распутина, с горькой иронией сетовал: «Помещенные у нас телеграммы сейчас же переехали на столбцы “Вечернего времени” и “Веч. Биржевых Ведомостей”, – конечно, совершенно инкогнито и даже в загримированном виде» [13, с. 3].

Жёлтые «Вечерние известия» (ВИ), также стремившиеся выглядеть как издание для «верхов» образованной публики, пошли ещё дальше и выдали телеграммы ПК за свои собственные, снабдив их припиской «по телегр. от собст. корр.» и дополнив домыслами без ссылок на источник. В частности, о том, что больная сифилисом «нападавшая женщина имела когда-то связь с Григорием Распутиным» и «решила ему отомстить»,

а также что «о происшедшем будет сделан специальный доклад в Царском селе» [36, с. 4]. Последнее, учитывая скандальные слухи об интимных связях «старца» с императрицей Александрой Фёдоровной [19, с. 18], выглядело особенно «пикантно». Также ВИ сообщили, что Распутин «находится в агонии», и разместили рядом фото «старца» в окружении поклонниц [36, с. 4].

Жёлтая пресса, ориентированная на «низы» городской читающей публики, передавая информацию о случившемся, делала оговорки и акцентировала внимание на непроверенности полученных сведений: «Ночью в городе распространился упорный слух, будто бы Григорий Распутин убит в Сибири, по другой версии убит во время крушения сибирского поезда. Слух этот проверить не удалось. По всей вероятности, он является вымышленным, хотя держится весьма упорно» [86, с. 3]. Так, выходявшая в Москве «Столичная молва» писала: «Сегодня в 2 часа ночи, все редакции петербургских газет получили частные сведения, что в селе Покровском совершено покушение на Григория Распутина. Распутин ранен. За поздним временем проверить это известие не было возможности» [92, с. 3]. То же самое, практически теми же словами, написала и петербургская «Газета-Копейка» (ГК) [85, с. 3].

Тенденция к некритическому использованию информации о покушении на Распутина со стороны изданий, ориентировавшихся на читательские «верхи», с одной стороны, и, наоборот, журналистски более корректной подаче её на страницах изданий, ориентировавшихся на «низы» читательской аудитории, стала особенно заметной в период, когда, как уже отмечалось выше, информационная связь Европейской части России с Сибирью осложнилась. Особое место в данной ситуации занимал ПК, пошедший по пути публикации информационных домыслов, которые, в свою очередь, расходились по остальным газетам со ссылками на ПК либо без оных, сопровождаясь при этом всё новыми фантастическими «подробностями».

Переход от реальных сообщений к фальсифицированным произошёл в рамках большой новостной подборки в номере ПК от 1 июля, посвящённой покушению на Распутина, проиллюстрированной большой фотографией «старца» и занявшей целую полосу.

Самые первые сообщения были набраны заглавными буквами. В телеграмме, посланной покровским собором ПК в 10 ч. 15 мин. 30 июня, сообщалось о том, что «на основании первых следственных шагов» «постепенно выясняются все малейшие подробности покушения на жизнь “старца”» [60, с. 2]. Часть информации, следовавшей далее (о маршруте Распутина перед покушением, об обстоятельствах нанесения раны и некоторые другие [61, с. 2]), подтверждается документами следствия [91, с. 384-387]. Другая часть (произошедшее сразу после того, как Гусева ударила Распутина и погналась за ним) – расходится [Там же, с. 385, 393, 407]. Далее следовала информация о прибытии в Покровское товарища прокурора Полуботко и судебного следователя Амельченко [66, с. 2], а также о личности покушавшейся [60, с. 2] (то и другое в целом подтверждается документами [91, с. 384, 391]). Размещённая ниже информация о ситуации в Покровском (молебны в церквях о выздоровлении Распутина и др.) [52, с. 2] не противоречит данным следствия, хотя подтверждается лишь в части упоминания о проводившихся допросах крестьян.

Затем – на сей раз обычным «строчным» шрифтом – была размещена срочная телеграмма, где Дувидзон сообщал о том, что его «также подвергли обыску, причем отобрали некоторые собранные по вашему поручению документы» [53, с. 2] и что «исправник Скатов предложил мне немедленно выехать из Покровского» [Там же], а после того как собор ПК сослался на положенные ему для сборов 24 часа, «резко ответил: “все равно выселить немедленно”» [Там же]. Затем следовала очень важная информация, позволяющая понять, почему находящийся в Покровском Дувидзон в номере от 30 июня упомянул (по слухам или по собственным домыслам) об «агонии», в которой якобы пребывал Распутин, и не оказался в курсе того, что в ночь с 29 на 30 в село прибыл хирург Владимир, сумевший сразу произвести раненому «старцу» успешную операцию: «Мне строжайше запрещено близко подходить к квартире пострадавшего “старца”. Моего секретаря выселили, а обо мне послан запрос в Петербург» [Там же]. Далее Дувидзон писал: «Из журналистов в селе Покровском, покамест я один», но «получены сведения, что сегодня выехали петербургские и московские корреспонденты» [Там же].

Отправленная в 6 ч. 55 мин. срочная телеграмма, напечатанная под заголовком «Подробности дознания» [60, с. 2], производит впечатление последней реально полученной из Покровского и содержащей сведения, подтверждающиеся документами [91, с. 384, 391-393, 402-403, 420]: о том, что Хиония Гусева работала в Царицыне швейей, что остановилась в Покровском в доме братьев Хохловых, что спала, не раздеваясь, что у неё было при себе 11 рублей, что она больна сифилисом и т.д. Правда, в конце телеграммы говорилось о том, что Гусева «производит впечатление интеллигентного и развитого человека» и что «у врачей возникли опасения, что у Распутина начинается перитонит». Если эти две финальные фразы не являлись плодом измышлений самого Дувидзона, то, судя по всему, именно с этого момента ПК начал публиковать под видом сообщений из Покровского редакционные измышления. Таким образом, мы можем с определенной долей уверенности предположить, что связь с Покровским прервалась 30 июня незадолго до 19.00. Из опубликованной на той же полосе реплики знакомого Распутина шт.-ротм. В. М. Шадурского следовало, что последняя телеграмма из Покровского (от Матрёны) была получена им 30 июня в 18.00: «Состояние здоровья тяжелое, внушает сильные опасения» [68, с. 2].

Последующие депеши из Покровского, опубликованные в номере ПК от 1 июля, либо не подтверждают документально, либо прямо им противоречат. Так, телеграмма, якобы посланная в 9 ч. 10 мин. вечера, общала о том, что покушение Гусевой – не что иное, как «изуверство», призванное «испытать силу распутинской святости»: «Если бы Распутин действительно оказался пророком, его бы не взял кинжал». «Известие это, однако, подвергается сомнению», – спешил оговориться ПК [63, с. 2]. Далее заглавными буквами

было размещено краткое сообщение (не подтверждающееся опубликованными документами следствия) о том, что находящаяся в арестантском помещении Гусева якобы пыталась покончить с собой [62, с. 2]. Затем сообщалось, что в селе «появились совершенно новые лица» – «понаехавшие из окрестностей почтители “старца”» [54, с. 2], что также не подтверждается опубликованными документами и противоречит тому факту, что село в рассматриваемый момент находилось под усиленным полицейским контролем.

Наконец, абсолютно недостоверные (и также набранные заглавными буквами) сведения были размещены в самом конце новостного блока из Покровского и касались состояния здоровья Распутина. Текст срочной телеграммы, якобы посланной в 9 ч. 55 мин. вечера, был озаглавлен: «Распутин в бреде» – и сообщал о том, что положение «старца» «сильно изменилось к худшему» и что «имеются очень основательные опасения заражения крови. Больной все время мечется в постели и бредит» [70, с. 2]. Далее следовала ещё одна срочная (по факту фальшивая) телеграмма без указания времени отправки, нагнетавшая ожидание скорой кончины «старца»: «К ночи состояние Распутина весьма тяжелое. Бред усилился. Больной в беспамьятстве, никого не узнает. Наступила агония. Кроме врачей к больному никого не пускают» [Там же].

Как можно предположить, редакция, которой Дувидзон ещё накануне успел сообщить о якобы начавшейся «агонии» Распутина, в тот момент исходила из неизбежности скорой кончины «старца», получившего ранение, представлявшееся в рассматриваемую эпоху (до открытия антибиотиков) почти стопроцентно смертельным. Содержание этой телеграммы, однако, прямо противоречило реальным фактам: хирург Тюменской больницы А. С. Владимиров (прибывший в Покровское около 1 часа ночи 30 июня и около 3 часов ночи сделавший раненому успешную операцию [91, с. 434]), а также врач сельской Иевлевской больницы В. Н. Высоцкий (находившийся рядом с Распутиным в течение следующего дня) ни словом не упоминали ни о «беспамьятстве», ни о «бреду» пациента [Там же].

Анализ новостного блока из Покровского, опубликованного на страницах ПК 1 июля, позволяет сделать вывод о том, что до тех пор, пока газета продолжала получать телеграммы из Сибири, она передавала информацию, в основном либо подтверждающуюся документами, либо не подтверждающуюся, но и не противоречащую им. Недостоверные сведения также встречались, но выглядели как почерпнутые из слухов, циркулировавших на месте, и были лишены художественного гротеска. С момента, когда связь редакции с собкором прервалась, информация приобрела вид гротескных беллетризованных домыслов, не подтверждающихся документальными источниками либо прямо им противоречащих.

При этом ПК явно стремился закрепить за собой статус поставщика не только эксклюзивной, но и наиболее достоверной информации. С этой целью он, не называя конкретные газеты, изобличал их в недостоверности: «Что касается сообщений вечерних газет о том, что первое известие о нападении на Распутина получено министром внутренних дел Н. А. Маклаковым, который по этому поводу сделал особый срочный доклад, то об этом ни у кого из высших чинов ведомства сведений не имеется», более того, Маклаков «с воскресенья находится в своем имении в Московской губернии» и никаких распоряжений в связи с покушением «от него ведомством не получалось» [49, с. 2]. Также ПК стремился собрать максимум «петербургской» информации, касающейся покушения и его фигурантов: в МВД, Минюсте, в Св. Синоде и у оберпрокурора В. К. Саблера лично, у брата Илиодора – А. М. Труфанова, а также у ряда лиц, «знавших Григория Распутина». В частности, от его близкого знакомого – Г. П. Сазонова было получено сведение о том, что «у Григория Распутина з а р а ж е н и е к р о в и, несмотря на легкую рану, о н, м о ж е т б ы т ь, у ж е с к о н ч а л с я». Также Сазонов подверг резкой критике задержку телеграмм из Покровского, в результате чего он, по его словам, не смог получить ответ от дочери Распутина Матрёны [76, с. 2].

Информация, публиковавшаяся такими газетами, как БВ [18, с. 2; 28, с. 1] и ВИ [29, с. 5; 30, с. 5], с разной степенью полноты копировала содержание ПК, дополняя материалы подробностями, подлинность которых невозможно было проверить ввиду отсутствия ссылок на источники. В центре обсуждения оставался вопрос о том, выживет Распутин или нет [31, с. 5; 34, с. 3].

В свою очередь, крупнейшая «серьёзная» русская газета – «Русское слово» (РС), 1 июля подключившаяся к обсуждению темы и опубликовавшая в новостном блоке под шапкой «Покушение на убийство Григория Распутина» массу недостоверных «подробностей» произошедшего (которые спустя два дня, после возобновления телеграфной связи столичных газет с Сибирью, будут скорректированы РС в сторону большей достоверности), позволила себе 1 июля опубликовать заглавными буквами известие о смерти Распутина. Были даже указаны её точное время и причина: «По полученным здесь сведениям, Григорий Распутин скончался сегодня в 5 час. 45 мин. дня от заражения крови» [73, с. 2]. Особую курьёзность данной публикации придавало то, что в том же номере РС сетовало на возникшие «в течение последних двух суток» перебои с телеграфной связью, вызванные «перегруженностью телеграфной линии между Покровским и Тюменью и общей затрудненностью телеграфного сообщения в Сибири» [56, с. 2]. Пояснений, откуда редакция почерпнула сведения о смерти «старца», газета не давала. Опровержения данного ложного сообщения на страницах РС также не последовало.

В отличие от «респектабельных» жёлтых и непартийных леволиберальных газет, кадетская «Речь» [44, с. 3], сообщившая о «тяжёлом ранении» Распутина, в деле освещения состояния его здоровья поначалу проявила информационную осторожность и предлагала краткий обзор «крайне разноречивых» «частных телеграмм», содержавших версии в диапазоне от «жизнь Распутина находится в большой опасности, так как кинжал отравлен и рана очень велика» – до «Распутину значительно лучше и его перевозят в Тюмень». Правда, следующий абзац доносил самый мрачный из возможных слухов: «Поздно ночью новая телеграмма сообщала, что Распутин скончался» [Там же].

Со своей стороны октябристский «Голос Москвы» (ГМ) продемонстрировал также особый подход, правда, совсем иной, нежели «Речь». ГМ попытался подать информацию в максимально зловещем ключе, выбрав с этой целью среди множества циркулировавших в тот момент слухов один из самых «гротескно-детективных» (притом со ссылкой на «собств. корр.» и с указанием, что это – именно «известие», а не слух): «Получено известие из Покровского, что нож, которым ранен Распутин, отравлен, вследствие чего произошло заражение крови» [78, с. 4]. При этом редакция, судя по всему, не подумала о нелепости обнародованной ею гипотезы, учитывая, что «заражение крови» и отравление вследствие воздействия яда – разные диагнозы.

«Московские ведомости» (МВ), первыми из российских СМИ начавшие обличительную кампанию против «старца» ещё весной 1910 г. [91, с. 183-191] и с тех пор отличавшиеся особо негативным (среди прочих крайне правых изданий) к нему отношением, после смены главного редактора (в конце 1913 – начале 1914 г. Л. А. Тихомирова сперва фактически, а затем и формально сменил Б. В. Назаревский), практически прекратили публикацию материалов, связанных с именем Распутина. В деле освещения темы покушения на «старца» редакционная позиция МВ проявлялась в том, что газета активно цитировала материалы жёлтых и леволиберальных изданий, в которых состояние Распутина оценивалось как практически безнадежное: «Григорий Распутин все время находился без сознания. <...> Пользующие его врачи находят жизнь его в большой опасности» [89, с. 2]; «Распутин в агонии» [Там же].

В реальности, как подтверждают материалы следствия, 30 июня Распутин не только не находился в беппамятстве, но уже пошёл на улучшение и был в состоянии дать развернутые показания полиции: «1914 года июня 30 дня. В с. Покровском судебный следователь по Тюменскому уезду, прибыв сего числа и чрез (так в оригинале. – Д. К.) иевлевского сельского врача В. Н. Высоцкого удостоверившись, что состояние здоровья раненого Григория Ефимовича Распутина-Нового не препятствует к даче им его показаний, допрашивал нижепоименованного...» [91, с. 384-385].

Пресса, не ориентировавшаяся на антираспутински настроенные читательские «верхи», проявляла в освещении темы покушения на «старца» большую сдержанность и профессиональную осторожность.

Так, меньшевистский «День» в номере от 1 июля стремился собрать все возможные сведения о состоянии раненого «старца», не отдавая предпочтение ни одной из версий. В частности, сначала газета сообщала о том, что, согласно одной из «депеш», состояние здоровья Распутина признано «удовлетворительным» и что решено перевезти его в Тюмень, «где назначен на сегодня консилиум врачей» [40, с. 2]. Затем в том же новостном блоке следовала информация, полученная «По телефону из Москвы» и ставившая перспективу выздоровления «старца» под сомнение: «По последним сведениям, положение раненого тяжелое. Надежды на спасение почти нет» [Там же]. Наконец, в соседнем материале (фрагменте воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича о Распутине) присутствовало известие о смерти «старца», поступившее в редакцию, когда номер уже готовился к печати. Публикуя данное сообщение (и даже назвав его не «слухом», а «сведениями»), реакция «Дня», однако, не стала делать на данной новости публицистического акцента, упомянув о ней вскользь в предисловии к статье [4, с. 2]. «День» не стал публиковать «громких» заголовков и отдельных материалов о гипотетической смерти Распутина, решив, вероятно, дожидаться официального подтверждения данной информации. Правда, на следующий день, когда ложность слуха о кончине «старца» стала очевидной, «День» не посчитал необходимым извиниться перед читателями за вчерашнюю дезинформацию и просто сообщил о том, что Распутина перевезли в Тюмень [9, с. 2] (что, впрочем, также являлось ложным слухом, поскольку в Тюмень «старец» отправился лишь в ночь со 2 на 3 июля). Не делая акцента на слухах о «скорой кончине» Распутина, «День» использовал данный информационный повод для того, чтобы публиковать материалы, компрометирующие не столько самого «старца», сколько власть и высшие общественные классы. Личность царского фаворита показывалась при этом как внутренне противоречивая. С одной стороны, Распутин предстал как неискренний и своекорыстный персонаж, стремившийся к сексуальным девиациям и власти [41, с. 2; 42, с. 2; 43, с. 2] и пользовавшийся при этом популярностью в высших аристократических кругах. С другой же стороны, «старец» противопоставлялся этим самым кругам как духовно одержимый – в позитивном смысле – и проницательный человек (в частности, сумевший по фотографии верно угадать психологические особенности лидеров одной из сект, а также оценивший по фотопортрету интеллектуальную и политическую мощь до того неведомого ему Карла Маркса), проникнутый глубоким сочувствием к простому народу, стремящийся защитить его от несправедливости, идущей со стороны социально-политических «верхов» и, в частности, активно выступающий против военной угрозы [4, с. 2].

Дешёвая жёлтая пресса Санкт-Петербурга и Москвы, освещая 1 июля тему покушения на «старца», продолжала предупреждать своих читателей о хождении большого количества непроверенных слухов и не делала акцента на «неминуемой скорой смерти» Распутина [38, с. 2; 46, с. 3]. В частности, версию об «отравленном кинжале», распространившуюся вечером 30 июня в Петербурге, ПЛ назвал «слухом» [46, с. 3]. Как отмечалось выше, этот же слух в тот же день «серьёзный» ГМ презентовал читателям как заслуживающее доверие «известие».

В номере ПК от 2 июля было опубликовано множество недостоверных сообщений, основанных, вероятно, отчасти на отрывочно доходивших до редакции из Сибири реальных известиях, но в значительной мере – на ложных слухах и смелых редакционных фантазиях. В частности, газета писала о предстоящем 1 июля прибытии в Покровское тобольского губернатора Станкевича и епископа Варнавы [67, с. 2] (в действительности 1 июля в Покровское на пароходе «Перевоз» прибыл из Тобольска лишь Варнава [82, с. 3]). Сообщалось также о нестабильном состоянии больного [64, с. 2] и об отправке Гусевой на пароходе в Тюмень

«под сильным конвоем» (как писала находившаяся на месте событий СТГ, 1 июля Гусеву перевезли в Тюмень под конвоем всего одного стражника [94, с. 3]), ко всему прочему заметка была ошибочно озаглавлена «Гусева перевозится в Тобольскую тюрьму» [51, с. 2]. Приводился текст интервью, якобы данного Распутиным собкору ПК, в дом к которому журналиста, по его словам, допустили «после долгих хлопот и уверений», что он не нарушит «покой раненого» [48, с. 2].

Гвоздём фальсификаций этого номера стало интервью собкора ПК с Хионией Гусевой, якобы взятое у неё перед отправкой в Тюмень. Беседа была датирована 1 ч. 35 мин. 1 июля, однако, согласно материалам судебного Дела о покушении на убийство Г. Е. Распутина, в описываемый момент Гусева содержалась под стражей в каталажной камере при Покровском волостном правлении Тюменского уезда [91, с. 386] и, таким образом, давать интервью журналистам не могла.

В тот же вечер БВ [35, с. 2], а на следующий день РС [50, с. 3] дезавуировали фальшивку ПК. Отвечая на обвинения со стороны БВ, 3 июля ПК опубликовал язвительную отповедь и фотографию «подлинной» телеграммы Дувидзона, как настаивала редакция, посланной из Покровского [87, с. 2]. Внимательный анализ как «отповеди», так и опубликованной телеграммы позволяет усомниться в журналистской добросовестности ПК. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что, отбиваясь от обвинений в фальсификации, ПК стремился обвинить БВ в том же самом – в ложном сообщении о получении из Покровского телеграммы, притом за конкретным номером – «№ 10151», и требовал у БВ «показать нам и своим читателям эту депешу в виде фотографии» [32, с. 3]. Как можно заметить, сам факт сознательных фальсификаций редакциями петербургских газет телеграмм из Сибири воспринимался руководством ПК как нечто вполне реальное и достойное скорее сарказма, нежели возмущения, что косвенным образом свидетельствовало о том, что и в деятельности ПК могло иметь место нечто подобное.

Торжественно опубликованная ниже фотография телеграммы покровского собкора ПК, в свою очередь, порождала больше вопросов, чем вносила ясности. Прежде всего, обращали на себя внимание некоторые формальные странности. В правом верхнем углу (в разделе «Телеграмма»), где обычно в депешах той поры размещался подробный адрес получателя, значилось лишь одно слово – притом «ОМСКЪ», а отнюдь не петербургский адрес редакции ПК, который, в свою очередь, был указан ниже слева, над информацией о том, что депеша послана в Петербург из Покровского, и самим текстом телеграммы. Кроме того, ряд особенностей снимка (несовпадение «шапки» телеграммы и её текста по ширине; наложение на строки бланка – букв текста, которые, по идее, должны были быть напечатаны на телетайпной ленте и закрывать строки бланка целиком и др.) позволял заподозрить технологию коллажа [87, с. 2].

Но ещё большее недоумение могло возникнуть при сравнении скупых и отрывочных строк телеграммы, изображённой на фото, с ремарками Дувидзона и монологами Гусевой и Распутина, опубликованными накануне. Так, например, телеграммное «Мне побеседовать Гусевой» [Там же] превратилось в: «Несмотря на принятые меры и на строгую изоляцию Гусевой, мне удалось беседовать с нею и узнать мотивы, побудившие её пойти на такое дело». Последующая реплика Гусевой представляла собой вольную и развёрнутую фантазию на тему содержавшихся в телеграмме обрывков фраз, сопровождаемую ремарками, вроде: «продолжала страстно и гневно Гусева», «с истерическими выкриками рассказывает Гусева», «истерические рыдания прерывают речь Гусевой» [47, с. 2] и т.п., чего в телеграмме не было вовсе. Краткая беседа со «старцем», в которой он обещал «петлю на шею» Илиодору и Гусевой (однако почему-то не упомянул об успешно сделанной ему операции, что лишний раз говорит в пользу вымышленности данной беседы), также предварялась описанием, даже в сжатой форме не содержащимся в тексте телеграммы: «Распутин лежит на спине в большой просторной комнате. Около него хлопочет сестра милосердия. Из родных никого нет» [48, с. 2].

Таким образом, вопрос лишь в том, являлась ли телеграмма, опубликованная на страницах ПК, реальной депешей Дувидзона, выдуманной им от начала до конца и каким-то чудом прорвавшейся из Покровского через Омск в Петербург, или же перед нами фальшивка, от начала до конца сооружённая в редакции ПК.

В том же номере от 2 июля редакция ПК, по-прежнему не располагавшая сведениями об операции, успешно проведенной Распутиным в Покровском, заглавными буквами сообщила о том, что 1 июля было якобы решено перевезти больного, который «промучился всю ночь», в Тюмень (где его «подвергнут исследованию рентгеновскими лучами, с целью выяснить, не задеты ли тонкие кишки», причём «исход болезни можно определить в зависимости от результатов исследования “икс-лучами”») на пароходе «Ласточка» [64, с. 2] (в реальности перевозка будет осуществлена на другом пароходе: «Было решено отправить Гр. Ефимовича в Тюмень на пассажирском пароходе Т-ва “Сухотин”, который пришел в с. Покровское днем 2 июля. <...> Пароход “Сухотин” пришел в Тюмень в 3 ч. утра (3 июля. – Д. К.). <...> Около 4 часов утра на носилках Гр. Распутин был доставлен в городскую больницу и помещен в особой палате» [82, с. 3]; об отправке «старца» 2 июля на пароходе «Сухотин» писало и РС [59, с. 3]). Ввиду не подтвердившихся слухов о смерти Распутина редакцией ПК был изменен «вектор фантазирования»: отныне газета стала сообщать, что шансы на выздоровление «старца» увеличиваются [65, с. 2].

«Новое время» (НВ) также сообщило 2 июля о перевозке Распутина в Тюмень (в начале новостного блока – как об уже состоявшейся, в конце – как о ещё готовящейся) [14, с. 2]. Утренние БВ, со ссылкой на полученную редакцией из Тюмени телеграмму, не только поведали об успешном прибытии пациента в Тюмень, но и о его встрече с делегацией духовных лиц, настоятельных просьбах больного привести к нему Гусеву, а также о готовящейся перевозке его в специальном вагоне в Петербург [37, с. 2]. Сообщив об улучшении состояния «старца», ВИ также поведали о готовящейся отправке его на лечение в столицу [81, с. 5].

Несмотря на то, что в номерах от 2 июля ряд газет не только заявили о том, что Распутин жив, но и сообщили о приёме им посетителей, часть изданий, включая авторитетные «большие» газеты, продолжали упорно хоронить «старца».

«Речь», накануне стремившаяся к осторожности и публиковавшая весь спектр слухов, касающихся состояния здоровья «старца», 2 июля «не выдержала» и однозначно поведала о смерти Распутина, сопроводив это известие целым «пакетом» недостоверных сведений: «1 июля в Петербурге получена телеграмма, известяющая о том, что Григорий Распутин накануне был перевезен в больницу в Тюмень, где и произвели ему операцию. После операции раненый потерял сознание. В 6 час. веч. Распутин скончался» [10, с. 2]. Как уже отмечалось, в реальности Распутин был перевезён в Тюмень лишь утром 3 июля, а единственная, притом успешная операция была проведена ему не в Тюмени, а в Покровском [91, с. 421-422].

РС, накануне уже похоронившее «старца», опубликовало 2 июля телеграмму, якобы посланную 1 июля и полученную из Покровского «по телефону и телеграфу от собственного корреспондента» и содержавшую неутешительный для «старца» прогноз. Правда, в этой депеше говорилось об обстоятельствах пребывания Распутина не в Покровском, а в тюменской больнице (где в реальности ему ещё только предстояло оказаться): «Сегодня утром Распутина перевезли в тюменскую городскую больницу... Врачи признали состояние его безнадежным, обнаружив признаки заражения крови. ...у Распутина в нескольких местах поранен мочевого пузырь. Температура поднялась до 39,8 градусов, деятельность сердца заметно ослабевает» [74, с. 5-6].

О почти неминуемой скорой кончине Распутина сообщил 2 июля и ГМ. Ссылаясь на сведения, полученные от своего собкора, газета настаивала на безнадежности положения пациента: «Распутин впал в бессознательное состояние. Температура поднялась до 40. Работа сердца ослабевает» [79, с. 4]. Фраза «работа сердца ослабевает», дословно совпадавшая с соответствующим пассажем из публикации РС, позволяет предположить, что «большие» либеральные газеты черпали свои летально-нагнетающие слухи из общих источников. Здесь же ГМ передал слух о возможной кончине «старца»: «...распространились слухи о том, что получена телеграмма из Тюмени, сообщающая, что у Распутина началось воспаление брюшины, последствием чего явилась смерть» [80, с. 4].

Ни одна из упомянутых газет, «похоронивших» Распутина, в дальнейшем не опровергла свои фальшивые сообщения и не принесла читателям, а тем более Распутину и его семье, извинения.

Леволлиберальные «Русские ведомости» (РВ) [26, с. 4] и крайне правые МВ [88, с. 2], хотя и пытались в освещении данной темы соответствовать канонам журналистской этики, делая оговорки насчет непроверенности информации или ссылаясь на другие издания, в выпусках от 2 июля также поддерживали разговор об ухудшении состояния «старца».

В то же время дешёвая жёлтая пресса Петербурга и Москвы продолжала предоставлять читателю по «горячей» распутинской теме вполне достоверные сведения, хотя и без ссылок на источники (вероятно, отдельным лицам либо чиновникам удавалось получать из Сибири информацию и предоставлять её журналистам частным порядком). Так, ГК 2 июля писала: «Вчера днём в Петербурге было получено известие, что после сделанной операции положение Гр. Распутина значительно улучшилось, и врачи надеются, что в течение месяца можно ожидать полного выздоровления, если не обнаружится никаких осложнений. К Распутину возвращаются бодрость... Полагают, что Распутина можно будет вскоре перевести в тюменскую больницу для окончательного восстановления здоровья» [15, с. 3].

3 июля ПК сообщил, что редакция, наконец, получила, как отметила в предупреждении, «замедленные доставкой» сообщения своего покровского собкора от 1 июля [58, с. 2]. Данное обстоятельство в очередной раз косвенно подтверждало тот факт, что большая часть материалов, публиковавшихся в ПК 1 и 2 июля, являлась, скорее всего, редакционными фальшивками.

Однако, несмотря на возобновление телеграфной связи с Сибирью, процесс публикаций редакцией ПК фальшивых сообщений из Покровского продолжился. 3 июля в газете был напечатан подробный рассказ о перевозке Распутина в Тюмень, при этом в очередной раз неверно указывалось название парохода, на котором перевезли «старца». Кроме того, он был «отправлен» редакцией ПК в город на сутки раньше (1 июля [Там же]), чем это произошло в реальности. Прибыл он, соответственно, также не 3-го, как было на самом деле, а 2-го: «ТЮМЕНЬ, 2-VII. (СРОЧНАЯ) “Ласточка” пришла благополучно» (на самом деле, напомним, «старец» отбыл в Тюмень в ночь со 2 на 3 июня на пароходе «Николай Сухотин», – Д. К.). Далее следовало ложное сообщение о том, что в тюменской больнице «Григорию Распутину врачом (так в оригинале. – Д. К.) Владимировым было произведено вскрытие брюшной полости. Как передают, операция была произведена удачно. Врачом (так в оригинале. – Д. К.) установлено, что задета брыжейка (так в оригинале. – Д. К.)» [55, с. 2] (в реальности брыжейка действительно была задета, но это выяснилось ещё во время операции в Покровском [81, с. 422]). После чего шло дежурное «нагнетание»: «Опасность рокового исхода болезни не устранена» [Там же].

Как можно понять, 2 июля, готовя к выходу газетный номер, редакция ПК не знала о том, что в тот же день СТГ уже вышла с подробным описанием главного, что касалось темы состояния здоровья Распутина, – операции, проведённой ему в Покровском (а не в Тюмени), которая «удалась прекрасно» и после которой «самочувствие больного улучшилось» [93, с. 3].

Не знали обо всём этом, судя по всему, и БВ, которые утром 3 июля напечатали текст, продолжавший, вопреки слухам об улучшении состояния «старца», развивать «тревожную» версию: «Последние телеграммы сообщают успокоительные сведения о здоровье Г. Е. Распутина. Тем не менее, положение раненного продолжает быть весьма серьёзным» [13, с. 2]. Правда, уже в вечернем выпуске от 3 июля информация

газеты о состоянии Распутина выглядела спокойной: «Жизнь Распутина вне всякой опасности»; «Больной интересуется газетами и просит читать ему вслух все сообщения, касающиеся его» [5, с. 3].

РС, с одной стороны, стремилось максимально продлить «тревожную линию» повествования о состоянии «старца», но с другой – было ограничено в этом своём стремлении тем, что к моменту подготовки номера от 3 июля уже обладало информацией об успешно проведённой Распутину в Покровском операции: «Минувшую ночь Распутин провел очень беспокойно. Температура была сильно повышена» [75, с. 3]. Далее следовало сообщение об операции: «В доме Распутина не нашлось даже ламп, и операцию пришлось производить при свете двух плохих стеариновых свечей. После операции Распутин почувствовал заметное облегчение, но все же положение его признавалось крайне опасным. Перед операцией Распутин сильно волновался, видимо, боясь смерти. Когда все приготовления к операции были закончены, находившийся в полузабытьи Распутин все же нашел в себе силы, чтобы обратиться к хирургу с тревожным вопросом: – А ты меня не зарежешь?..» [Там же]. В заключительных сообщениях о состоянии здоровья Распутина в номере от 3 июля РС вновь, хотя и кратко, обозначало тенденцию к «нагнетанию»: «Сегодня, в 12 часов дня, департаментом полиции была получена из Тюмени телеграмма о том, что положение Григория Распутина тяжелое и внушает опасения» [72, с. 3]. Правда, далее следовало успокоительное известие из Москвы от поклонницы «старца» А. И. Решетниковой – о том, что «Распутину стало лучше» [71, с. 3]. Финальное сообщение новостного блока из Тюмени, хотя и сообщало об отсутствии непосредственной угрозы жизни «старца», всё же завершалось тревожной ремаркой: «По мнению врачей, характер ранения не внушает серьезных опасений, если только удалось предотвратить процесс заражения крови» [69, с. 3].

Леволлиберальные РВ в номере от 3 июля в целом продолжали подавать информацию о состоянии Распутина с прицелом на достоверность: «Неофициальные сведения, полученные в одном из министерств, подтверждают первоначальное донесение, что Распутину нанесена легкая рана и что здоровье его не внушает никаких опасений. В состоянии агонии он не был» [27, с. 3].

Правозентристское НВ в номере от 3 июля разместило набор новостных телеграмм из Тюмени и Покровского, стремившихся одновременно к достоверному освещению событий и в то же время подчёркивавших шанс на возможное ухудшение состояния «старца» [16, с. 2]. Следует отметить, что, в отличие от либеральных изданий, НВ (испытывавшее так же, как и они, трудности с получением информации из Сибири в период с 30 июня по 2 июля), воздержалось от публикации «нагнетающих» слухов и домыслов.

«Речь», как уже отмечалось выше, «похоронившая» Распутина в выпуске газеты от 2 июля, в номере от 3 июля никак эту дезинформацию не прокомментировала и просто перепечатала телеграмму от 1 июля из номера РС от 2 июля [74, с. 5-6], где сообщалось, что у Распутина поднялась температура и он слабеет [17, с. 3].

ГМ опубликовал эксклюзивную телеграмму с пометкой «от собственного корреспондента», стремясь дополнить информацию об общем улучшении состояния Распутина «тревожным компонентом»: «Положение Распутина продолжает оставаться очень серьезным, но непосредственная опасность миновала» [77, с. 2].

Дешевая желтая пресса в течение 3 июля по-прежнему сохраняла в отношении распутинского сюжета спокойный тон, стремясь лишь фиксировать факты, свидетельствовавшие о позитивной динамике состояния «старца» [33, с. 3; 39, с. 3].

Всё вышесказанное позволяет сделать ряд итоговых наблюдений и выводов.

С первого же дня появления в прессе информации о нападении на Распутина наметилась тенденция различного профессионального поведения газет, принадлежавших к различным типам. С одной стороны, жёлтые газеты, ориентированные на «низшие классы», вели себя подчёркнуто профессионально: публиковали краткие новостные материалы, сопровождая их оговорками насчет степени проверенности информации, стремились сослаться на источники. С другой стороны, жёлтые газеты, ориентировавшиеся на читательские «верхи», а также многие «серьезные газеты» (в основном либеральные), изначально посвящали теме покушения на Распутина больше материалов. При этом данные газеты активно «нагнетали страсти» вокруг возможной смерти Распутина (акцент на этом делали не только либеральные газеты, но также правозентристские и некоторые крайне правые издания), зачастую публикуя как достоверные непроверенные либо заведомо фальшивые материалы, ссылаясь на мнимых собственных корреспондентов, анонимных знакомых Распутина, а также на иные неназванные источники, и активно воруя информацию друг у друга. С третьей стороны, социалистическая пресса относилась к распутинской теме (включая аспект состояния здоровья «старца») с куда меньшей пристрастностью, стремясь использовать её, прежде всего, для критики социально-политического строя в целом.

Как представляется, анализ особенностей освещения российскими газетами событий, связанных с покушением на Распутина, позволяет сделать **вывод** о том, что «распутинская тема» в рассматриваемый период играла для различных социальных групп и политических течений различную роль. Для представителей «образованных классов», на которые ориентировались «серьезные» и «дорогие» жёлтые газеты, личность Распутина выступала, прежде всего, в роли важнейшего фактора, а точнее – препятствия, мешавшего «сдвинуть» российскую внутреннюю политику в том направлении, в котором стремились её направить представители каждого из конкурирующих политических течений, популярных среди социальных «верхов»: начиная от крайне правых и кончая левыми либералами. Особую пристрастность при этом проявляли газеты, ориентировавшиеся на либеральную часть общественности. Именно это обстоятельство, думается, привело к тому, что «дорогие» жёлтые (ПК, ВИ, БВ и др.) и «серьезные» (РС, ГМ, частично «Речь» и др.) газеты в данном случае «забывали» об азах профессиональной этики и начинали себя вести не столько как органы массовой информации, сколько как инструменты распространения тех или иных политически окрашенных

слухов, призванных не столько информировать социум, сколько создавать и отражать общественные настроения. В то же время некоторые издания (РВ, НВ, МВ, частично «Речь») стремились удерживать себя в рамках профессиональной корректности.

В свою очередь, для социальных «низов» распутинская тема ключевой не являлась, по какой причине дешевые желтые (ГК, ПЛ и др.) и социалистические газеты («День») вели себя при освещении данного сюжета более корректно и менее пристрастно, чем многие из влиятельных «больших газет».

Список источников

1. Белецкий С. П. Григорий Распутин (из записок). Петроград: Былое, 1923. 104 с.
2. Боханов А. Н. Распутин. Анатомия мифа. М.: АСТ-Пресс, 2000. 416 с.
3. В. Д. Покушение на Распутина // Биржевые ведомости. 1914. 30 июня.
4. В. Д. Бонч-Бруевич о Распутине // День. 1914. 1 июля.
5. В. С. Покушение на Гр. Распутина. Последние известия // Биржевые ведомости. 1914. 3 июля.
6. В. С. Покушение на Распутина // Биржевые ведомости. 1914. 30 июня.
7. Варламов А. Н. Григорий Распутин – Новый. Изд-е 3-е. М.: Молодая гвардия, 2012. 851 с.
8. Вместо обзора печати // Петербургский Курьер. 1914. 1 июля.
9. Григорий Распутин // День. 1914. 2 июля.
10. Григорий Распутин // Речь. 1914. 2 июля.
11. Задержка сибирских телеграмм // Биржевые ведомости. 1914. 1 июля.
12. К покушению на Г. Распутина // Новое время. 1914. 1 июля.
13. К покушению на Гр. Распутина // Биржевые ведомости. 1914. 3 июля.
14. К покушению на Гр. Распутина // Новое время. 1914. 2 июля.
15. К покушению на Гр. Распутина. Здоровье Распутина // Газета-Копейка. 1914. 2 июля.
16. К покушению на Распутина // Новое время. 1914. 3 июля.
17. К покушению на Распутина // Речь. 1914. 3 июля.
18. К покушению на Распутина. Последние известия // Биржевые ведомости. 1914. 1 июля.
19. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг.: в 2-х кн. М.: Наука, 1992. Кн. 2. 456 с.
20. Коцюбинский А. П., Коцюбинский Д. А. Григорий Распутин: тайный и явный. Житие опытного старца сквозь призму его личности. СПб. – М.: Лимбус Пресс, 2003. 480 с.
21. Коцюбинский А. П., Коцюбинский Д. А. Распутин: Жизнь. Смерть. Тайна. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2014. 480 с.
22. Коцюбинский Д. А. Первые публикации о Г. Е. Распутине в российской прессе (конец 1909 – начало 1910 г.) // Российская история. 2018. № 4. С. 143-151.
23. Коцюбинский Д. А., Семькина Е. В. «Развратный хлыст» или жертва молвы? Споры о Григории Распутине в начале XX века // Родина. 2015. № 10. С. 108-111.
24. Коцюбинский Д. А., Семькина Е. В. Распутинская сенсация на страницах российской прессы. Становление аналитического, оппозиционного и «желтого» направлений освещения темы. Май-июнь 1910 г. // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 4. С. 444-466.
25. Коцюбинский Д. А., Таран С. Ю. Российская пресса об обсуждении распутинской темы в Государственной думе в начале 1912 г.: история одного медийно-политического скандала // Таврические чтения – 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: международная научная конференция (г. Санкт-Петербург, 7-8 декабря 2017 г.): сборник научных статей: в 2-х ч. / под ред. А. Б. Николаева. СПб.: Астерион, 2018. Ч. 1. С. 183-191.
26. Нападение на Григория Распутина. Состояние Распутина // Русские ведомости. 1914. 2 июля.
27. Нападение на Григория Распутина. Состояние Распутина // Русские ведомости. 1914. 3 июля.
28. Новейшее // Биржевые ведомости. 1914. 1 июля.
29. Новое о покушении на Гр. Распутина. Агония Распутина // Вечерние известия. 1914. 1 июля.
30. Новое о покушении на Гр. Распутина. Раненый в бреду // Вечерние известия. 1914. 1 июля.
31. Новое о покушении на Гр. Распутина. Распутин – жив? // Вечерние известия. 1914. 1 июля.
32. Обзор печати // Петербургский курьер. 1914. 2 июля.
33. Около Распутина. Здоровье раненого // Газета-Копейка. 1914. 3 июля.
34. Покушение на Гр. Распутина // Биржевые ведомости. 1914. 1 июля.
35. Покушение на Гр. Распутина // Биржевые ведомости. 1914. 2 июля.
36. Покушение на Григория Распутина. Распутин // Вечерние известия. 1914. 30 июня.
37. Покушение на Григория Распутина. Состояние здоровья // Биржевые ведомости. 1914. 2 июля.
38. Покушение на жизнь Г. Е. Распутина // Газета-Копейка. 1914. 1 июля.
39. Покушение на жизнь Г. Распутина // Петербургский листок. 1914. 3 июля.
40. Покушение на жизнь Гр. Распутина // День. 1914. 1 июля.
41. Покушение на жизнь Гр. Распутина. Беседа с баронессой И. // День. 1914. 1 июля.
42. Покушение на жизнь Гр. Распутина. «Обличение» Гр. Распутина // День. 1914. 1 июля.
43. Покушение на жизнь Гр. Распутина. Распутин и Ксения // День. 1914. 4 июля.
44. Покушение на жизнь Григория Распутина // Речь. 1914. 1 июля.
45. Покушение на убийство Гр. Распутина // Петербургский курьер. 1914. 30 июня.
46. Покушение на убийство Григория Распутина // Петербургский листок. 1914. 1 июля.
47. Покушение на убийство Григория Распутина. Беседа с Гусевой // Петербургский курьер. 1914. 2 июля.
48. Покушение на убийство Григория Распутина. Беседа с Распутиным // Петербургский курьер. 1914. 2 июля.
49. Покушение на убийство Григория Распутина. В М-ве Внутр. Дел // Петербургский курьер. 1914. 1 июля.
50. Покушение на убийство Григория Распутина. «Вымышленная “беседа”» // Русское слово. 1914. 3 июля.
51. Покушение на убийство Григория Распутина. Гусева перевозится в Тобольскую тюрьму // Петербургский курьер. 1914. 2 июля.

52. Покушение на убийство Григория Распутина. Допрос крестьян // Петербургский курьер. 1914. 1 июля.
53. Покушение на убийство Григория Распутина. Допрос нашего корреспондента // Петербургский курьер. 1914. 1 июля.
54. Покушение на убийство Григория Распутина. Настроение крестьян // Петербургский курьер. 1914. 1 июля.
55. Покушение на убийство Григория Распутина. Операция // Петербургский курьер. 1914. 3 июля.
56. Покушение на убийство Григория Распутина. От редакции // Русское слово. 1914. 1 июля.
57. Покушение на убийство Григория Распутина. Первая помощь // Петербургский курьер. 1914. 1 июля.
58. Покушение на убийство Григория Распутина. Перевезение Распутина в Тюмень // Петербургский Курьер. 1914. 3 июля.
59. Покушение на убийство Григория Распутина. Переезд из с. Покровского // Русское слово. 1914. 3 июля.
60. Покушение на убийство Григория Распутина. Подробности дознания // Петербургский курьер. 1914. 1 июля.
61. Покушение на убийство Григория Распутина. Подробности покушения // Петербургский курьер. 1914. 1 июля.
62. Покушение на убийство Григория Распутина. Покушение Гусевой на самоубийство // Петербургский курьер. 1914. 1 июля.
63. Покушение на убийство Григория Распутина. Покушение на Распутина – испытание святостью // Петербургский курьер. 1914. 1 июля.
64. Покушение на убийство Григория Распутина. Положение раненого // Петербургский курьер. 1914. 2 июля.
65. Покушение на убийство Григория Распутина. Положение Распутина // Петербургский курьер. 1914. 2 июля.
66. Покушение на убийство Григория Распутина. Прибытие судебных властей // Петербургский курьер. 1914. 1 июля.
67. Покушение на убийство Григория Распутина. Прибытие тобольского губернатора // Петербургский курьер. 1914. 2 июля.
68. Покушение на убийство Григория Распутина. Причины покушения. Шт.-ротм. В. М. Шадурский // Петербургский курьер. 1914. 1 июля.
69. Покушение на убийство Григория Распутина. Рана // Русское слово. 1914. 3 июля.
70. Покушение на убийство Григория Распутина. Распутин в бреду // Петербургский курьер. 1914. 1 июля.
71. Покушение на убийство Григория Распутина. Сведения в Москве // Русское слово. 1914. 3 июля.
72. Покушение на убийство Григория Распутина. Сведения в Петербурге // Русское слово. 1914. 3 июля.
73. Покушение на убийство Григория Распутина. Слух о кончине Распутина // Русское слово. 1914. 1 июля.
74. Покушение на убийство Григория Распутина. Состояние здоровья Распутина // Русское слово. 1914. 2 июля.
75. Покушение на убийство Григория Распутина. Состояние здоровья Распутина // Русское слово. 1914. 3 июля.
76. Покушение на убийство Григория Распутина. У Г. П. Сазонова // Петербургский курьер. 1914. 1 июля.
77. Покушение на убийство Распутина. Здоровье Распутина // Голос Москвы. 1914. 3 июля.
78. Покушение на убийство Распутина. Отравленный кинжал // Голос Москвы. 1914. 1 июля.
79. Покушение на убийство Распутина. Положение раненого // Голос Москвы. 1914. 2 июля.
80. Покушение на убийство Распутина. Слухи о смерти // Голос Москвы. 1914. 2 июля.
81. После покушения на Распутина. Распутина отправят в Петербург // Вечерние известия. 1914. 2 июля.
82. Прибытие Гр. Распутина // Сибирская торговая газета. 1914. 4 июля.
83. Родзянко М. В. Крушение империи. Х.: Интербук, 1990. 264 с.
84. С. Ж. Покушение на Распутина // Биржевые ведомости. 1914. 30 июня.
85. Слух о нападении на Распутина // Газета-Копейка. 1914. 30 июня.
86. Слухи о Распутине // Московская газета. 1914. 30 июня.
87. Снимок телеграммы нашего корреспондента из села Покровского (беседа с Хioniей Гусевой и Распутиным) // Петербургский курьер. 1914. 3 июля.
88. Сообщения из Петербурга. Покушение на Распутина // Московские ведомости. 1914. 2 июля.
89. Сообщения из Петербурга. Покушение на убийство Распутина-Новых // Московские ведомости. 1914. 1 июля.
90. Терещук А. Григорий Распутин. Последний «старец» Империи. СПб.: Вита Нова, 2006. 528 с.
91. Фомин С. Григорий Распутин: расследование. «Страсть как больно, а выживу...». М.: Форум, 2011. 828 с.
92. Хроника // Столичная молва. 1914. 30 июня.
93. Хроника. К покушению на Г. Распутина // Сибирская торговая газета. 1914. 2 июля.
94. Хроника. Подробности покушения на Г. Распутина // Сибирская торговая газета. 1914. 3 июля.
95. Шульгин В. В. Годы. М.: Новости, 1990. 548 с.
96. Smith D. Rasputin: Faith, power, and twilight of the Romanovs. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2016. 848 p.

**ATTEMPT ON G. YE. RASPUTIN'S LIFE ON 29 JUNE, 1914
IN RESPONSES OF THE RUSSIAN PRESS (JUNE-JULY 1914)**

Kotsyubinskii Daniil Aleksandrovich, Ph. D. in History
Saint Petersburg University
kd1965@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the Russian press reaction to the events connected with an attempt on G. Ye. Rasputin's life on 29 June, 1914. The conclusion is made about the priority of the political orientation of the news materials over their reliability. Unreliable details of the newspaper publications are revealed, in particular those included in historiography. The author shows that the greatest deviations from the canons of good-quality journalism were observed in the work of the newspapers oriented to the social "elites", who were critical of Rasputin and the supreme power, while the cheap yellow as well as socialist press showed a great deal of professional correctness in the coverage of this theme.

Key words and phrases: Rasputin; "elder"; press; newspapers; Chionya Guseva; V. B. Duvidzon; "Petersburg Courier"; "The Russian Word"; "The Speech"; "The Voice of Moscow"; "The New Time"; "The Evening Time"; "The Exchange News"; "The Evening News"; "The Kopeck Newspaper"; "Petersburg Newsletter"; "The Day".